

Государство в либеральном мейнстриме: pro et contra

Владимир ЕГОРОВ

Владимир ШТОЛЬ

Нарастающая динамика глобального социально-политического процесса диктует если не совпадающую по темпам, то по крайней мере не запаздывающую научную рефлексию происходящих изменений и релевантной оценки сущностей, приобретших в академическом дискурсе характер незыблемых постулатов или, напротив, релятивистские коннотации, являющиеся следствием быстрых перемен.

Основным феноменом социального мейнстрима, заслуживающим особого внимания, является институт государства. По мере роста масштабов функциональности и активности гражданского общества и переоценки самоорганизующей силы рынка преобладающим акцентом актуального прочтения направления эволюции государства становятся *теории и концепции, отражающие его «убывание»*.

Особый вклад в копилку сомневающихся в будущем государства вносят представители постмодернизма, которые считают, что на смену институтам социальной

организации приходит сетевая организация индивидов, имеющих культурные, информационные и разнообразные духовные контакты, воспроизводящие качественно

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, директор научной школы «Экономическая теория» РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана. *E-mail:* korika@mail.ru

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* v.shtol@gmail.com

Ключевые слова: государство, постмодернизм, либертарианство, гражданское общество, прямая демократия.

более высокий уровень идентичностей [1].

Концепции государства в постмодернизме не ограничиваются курсом из-за депривации его социальной роли, в том числе в международных отношениях.

По логике М. Фуко, отдельные представители этого научного направления полагают, что государство не следует «понимать в терминах репрессий», а надо «рассматривать как что-то позитивное, производящее субъектность и социальные способности к действию» [2].

Ещё один кейс сомневающих в будущем национального государства составляют *представители либеральной мысли*.

Социальные теоретики либеральной направленности считают неизбежной смену доминанты национальных государств приматом транснациональных корпораций и структур, разрушающих этнокультурные идентичности [3].

В представлении либертарианцев, в частности А. Рэнд, «общее благо» (или «интересы общества») – понятие неопределённое и неопределимое. Такого существа, как «пле-

мя» или «общество», на свете нет. «Племя» (или «общество», или «народ») – это лишь множество отдельных людей. Нет ни одного блага, которое было бы благом для племени вообще». И заявляет, что человек «работает, чтобы поддерживать в себе жизнь, как и должен делать по своей природе, и поневоле руководствуется своей корыстью... Если же он хочет вступать с другими в отношения обмена, то не должен рассчитывать на ритуальные жертвы, то есть надеяться, что получит нечто ценное, не отдавая взамен какого-то эквивалента... Альтруизм стремится оставить интеллект без вознаграждения, утверждая, что нравственный долг умелых – служить неумелым и жертвовать собой ради нужд всякого встречного-поперечного» [4].

В такой парадигме место и роль государства выглядит совсем уничтожительно.

Оригинальную точку зрения относительно настоящего и будущего государства высказал Р. Купер. В его представлении национальные государства, как продукт Вестфалия, в настоящее время претерпевают су-

¹ Best s., Kellner D. The postmodern turn. N.Y.: Guilford Press, 1997. – 306 p.; Cvetkovich A., Kellner D. Articulating and The Local: Globalization and Cultural Studies. 1st ed. N.Y.: Routledge, 1997; Featherstone M. Global Culture: An Introduction // Global Culture: Nationalism, Globalism and Modernity. L.: Sage, 1990. Vol. 7. Iss. 2–3; Featherstone M., Lash s. Globalization, modernity, and the spatialization of social theory: An introduction // Featherstone M., Lash s., Robertson R. Global modernities. L.: UK, 1995; Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990 // URL: <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2016/10/The-Consequences-of-Modernity-by-Anthony-Giddens.pdf>; Wilson R., Dissayanake W. Global/Local: Cultural Production and the Transnational Imaginary, 1996 // URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv11cw21n>

² Calkivik A. Poststructuralism and Postmodernism in International Relations // International Relations Theory Online Publication. Nov 2017. P. 4–5, 1–29 // URL: <https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/7235362/course/section/6380661/%C3%87alk%C4%B1vik%2C%20Poststructuralism%20and%20Postmodernism%20in%20International%20Relations.pdf>

³ Kellner D. Globalization and the Postmodern Turn // URL: <http://www.gseis.ucla.edn/faculty/Kellner/>

⁴ Рэнд А. Апология капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 20, 56.

ществленную трансформацию, сохраняя способность к интеграции в союзы и объединения, находясь в международном правовом пространстве и тем не менее вмешиваясь в дела друг друга, становятся «менее абсолютными в своём суверенитете и независимости, чем раньше» [5].

В связи с метаморфозой государственной природы мировая система приобретает черты постбаланса силы, которую называют постмодернистской.

Изменения, связанные с преодолением национальной ограниченности, тем не менее далеко не тождественны универсализации социального дизайна мира. Демократические принципы построения межгосударственных отношений позволяют государствам в новой реальности сохранять свою культурную идентичность.

За пределами вестфальской конструкции «государства-нации» находится проявляющийся в науке дискурс «государства-цивилизации» [6].

Важно отметить, что вводимое в академический лексикон понятие отражает рефлексию эволюции места и роли государства в цивилизационном пространстве.

Предикация «цивилизация» связана изначально с акцентированием этнокультурной локализации. В отличие от прежней смысловой нагрузки понятие «цивилизация» призвано подчеркнуть особую идентичность феномена государства, некоторым образом преодолевающего ограниченность национально-го образования.

Вопреки активно насаждаемому представлению об эгоистической природе человека – *Homo economicus*, таковой является *Homo socius* – человек социальный.

Социальная природа человека имеет исторические корни, уходящие в ранние эпохи развития человечества, когда коллективные формы существования были обусловлены необходимостью выживания. В свою очередь, государство, если оставить в стороне дискурсивные разногласия относительно его происхождения, является продуктом общественной организации. В догосударственную эпоху общественную организацию поддерживал и продолжает оставаться значимым уже с появлением государства институт, который Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон называют «клеткой норм», т. е. обычаи, традиции и другие нормативные установления.

«Как только традиции и обычаи глубоко укореняются в обществе, – пишут авторы, – они начинают регулировать многие аспекты человеческой жизни» [7, с. 45].

Несмотря на то что общественные потребности в защите территории и обеспечении безопасности проявляются на самых ранних этапах развития человечества, государство появляется там и тогда, где и когда экономическое развитие позволяет выделить из сферы производства группу лиц, занимающихся управлением. Однако наличие народов мира, проживающих вне госу-

⁵ Cooper R. The post-modern state and the world order. L.: Demos, 1996. P. 7, 8.

⁶ Наумкин В.В. Модель не-запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. 2020. № 4. С. 78.

⁷ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021.

дарств и сохраняющих общинный строй, убеждает в том, что существование общественной потребности в обеспечении безопасности и материальные предпосылки важные, но далеко не единственные условия их генезиса.

Одним из основных факторов возникновения и развития государств, согласно известному указанию Т. Гоббса, стало предотвращение «войны каждого против всех» и имплементация института частной собственности: «если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоём, они становятся врагами и стараются погубить или покорить друг друга» [8].

Отсутствие государства и продуцируемого последним закона и права исключает возможность абсолютизации частной собственности. Правовое пространство и государство обеспечивают её неприкосновенность и становятся преградой посягательству на этот институт. Именно развитие частной собственности обуславливает мотивацию её приумножения и первопричину либерализма.

Логично предположить, что в сохранении сильного государства, обеспечивающего правовой порядок, заинтересованы прежде всего основные держатели частной собственности. В этом смысле совсем не бесплодным является марксистский постулат о государстве как орудии в

руках господствующего класса [9]. Однако верно и то, что капитализм представляет собой систему, строящуюся на всеобщем и растущем потреблении. Эффективность оборота капитала зависит в том числе от масштабов рынка. Именно поэтому Ф. Хайек утверждал, что в буржуазном обществе даже бедняк живёт значительно лучше, чем его «собрат» «несвободного» общества.

Ф. Хайек рассуждал так: «В конкурентном обществе у бедных гораздо более ограниченные возможности, чем у богатых, и тем не менее бедняк в таком обществе намного свободнее человека с гораздо лучшим материальным положением в обществе другого типа. При конкуренции у человека, начинающего карьеру в бедности, гораздо меньше шансов достичь богатства, чем у человека, унаследовавшего собственность, однако это не только возможно, но более того, конкурентный строй – единственный, где человек зависит лишь от самого себя, а не от милости сильных мира сего и где никто не может помешать его попыткам достигнуть намеченной им цели» [10].

На практическое отличие двух неотъемлемых элементов социальной организации Запада: либерализма и демократии обращали внимание многие мыслители прошлого.

Так, Ф. Гизо (1787–1874 гг.) называл последовательно реализованную демократию «хаосом и анархией» [11], а К. Шмитт убедительно аргументировал «различие этих двух принципов» (либерализма и демо-

⁸ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства, церковного и гражданского. Гл. XIII. О естественном состоянии человеческого рода в его отношении к счастью и бедствиям людей // URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf

⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3 томах. М.: Политиздат, 1986. Т. 3. С. 358.

¹⁰ Хайек Ф.А. фон. Дорога в рабство. М.: АСТ, 2021. С.110.

¹¹ Матвеев С.Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: ВШЭ, 2019.

кратии). На конгрессе немецких социологов в 1926 г. он заявил: «Частная собственность и разделение властей являются либеральными, а не демократичными» [12].

В отличие от демократии, реализованной лишь в репрезентативном, а не подлинном смысле народовластия, либерализм, предполагавший абсолютизацию прав и свобод личности, в том числе и прежде всего права на частную собственность, явился одним из системообразующих столпов западной цивилизации.

С другой стороны, «народовластие», воплощённое в парламентской модели, далёкой от подлинного представительства интересов народа, нуждается в кардинальном преобразовании, настолько кардинальном, что заслужило определение «демократизация демократии» [13, с. 79].

Либеральный порядок, абсолютизирующий частную собственность и частную жизнь как ресурс её приумножения, неизбежно продуцировал дихотомию интересов общества институтам, представителем которых является государство, и правам и свободам личности. В самом радикальном выражении логика такого социального порядка в теории и общественной практике реализована в либертарианстве, рефреном которого стал лозунг «меньше государства».

Дихотомия интересов государства и личности – величина не статичная и проявляется в диалектиче-

ском противоречии, разрешаемом в определённые исторические периоды относительной гармонией, т. е. созданием эффективных механизмов взаимных обязательств между отдельными личностями и обществом в целом. Такое состояние социальной консолидации П. Коллиер называет *моральным государством* и даже приводит пример такого государства, существовавшего в Европе и появившегося благодаря «крайнему напряжению сил наций, принёсшему этим нациям победу» [14, с. 32–33].

Разрушительная логика консенсуса общества и государства в либертарианстве заключается в наделении индивида, в идеале, всей полнотой прав, не предполагая взамен полноты обязанностей. Отдельная личность, безусловно претендуя на права и свободы, становится свободной от обязательств перед обществом и государством. Единственной границей её свободы является свобода другой личности.

Как говорит А. Рэнд, считающая своими идейными вдохновителями А. Гринспена, много лет руководившего Федеральной резервной системой США, и Х. Клинтон, «вы спросите, каковы мои моральные обязательства перед согражданами. Никаких, кроме обязательства перед самим собой» [15].

Попытку преодоления противоречия между индивидуальной свободой и социальными обязательствами предприняли *коммунитаристы*,

¹² Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. С. 189.

¹³ Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

¹⁴ Коллиер П. Будущее капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.

¹⁵ Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 книгах. М.: Альпина Пабlishер, 2015.

видевшие в гражданской консолидации средство достижения баланса интересов личности и общества [16].

В представлении лауреата Нобелевской премии М. Фридмана, частный интерес ограничивается исключительно конкуренцией. Рынок и конкуренция, по его мнению, являются значительно более эффективными средствами достижения социально-экономического результата, нежели государственное управление и плановое хозяйство [17, с. 38].

Представители чикагской школы экономистов стали архитекторами направления мысли, получившего наименование *рыночного фундаментализма* [18]. Либертарианство стало теоретическим основанием реформ государственного управления Р. Рейгана и М. Тэтчер.

Озабоченность интеллектуального сообщества Запада тенденцией «наступления социализма» результировалась не только в научную дискуссию, но и нашла практическое воплощение в экономической политике британского правительства М. Тэтчер и администрации президента США Р. Рейгана. Несмотря на некоторые отличия в подходах формирования внутренней политики, оба руководителя предпочли сделать максимально возможное для устранения государственного присутствия в экономике. Консервативное правительство М. Тэт-

чер пошло по пути сокращения социальных обязательств государства, приватизации государственных предприятий, снижения налогов, поощрения предпринимательства и привлечения иностранных инвестиций.

Одним из самых тяжёлых последствий тэтчеровских реформ стала безработица, пик которой пришёлся на 1986 г. (11,2%). К 1991 г. более половины банковского сектора Британии принадлежало иностранному капиталу.

Резко повысился уровень неравенства: к концу премьерства М. Тэтчер 10% состоятельных англичан владели третью всех доходов [19].

Во время избирательной кампании 40-й президент США Р. Рейган заявил, что «государство не должно мешать частной инициативе ни налогами, ни запретами».

В соответствии с обещанием, став президентом, он: заморозил минимальную зарплату; уменьшил на 40% субсидии малоимущим из федерального бюджета; вдвое сократил субсидии фермерам; упразднил программу *Community Development Block Grant* по финансированию местных сообществ; урезал бюджеты программы *Medicaid* (льготной покупки продуктов), федеральной образовательной программы и Агентства по охране окружающей среды.

Для повышения привлекательности инвестиций 40-й президент США снизил верхний уровень подоходного налога с 70 до 28% [20]. В связи с дефицитом бюджета Минфин США нарастил государственный долг с 997 млрд долл. до 2,85 трлн долл. [21].

¹⁶ Давыдов О.Б. Философский коммунитаризм как актуальная парадигма социального бытия // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал Modern Research of Social Problems). 2015. № 10.

¹⁷ Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1998.

¹⁸ Overtveldt J. van. The Chicago School. Chicago: Agate, 2007.

¹⁹ Царев В., Котовски М. Наследие Маргарет Тэтчер: неравенство, бедность, социальная напряжённость // URL: <https://marx.kz/tribuna/251-nasledie-margaret-tjetcher-neravenstvo-bednost-socialnaja-naprjzhennost-chast-1.html>

²⁰ Gibbs N. The All-American President Ronald Wilson Reagan. June 14. 2004; Historical Income Tax Rates and Brackets, 1862–2021 // Tax Foundation // URL: <https://taxfoundation.org/historical-income-tax-rates-brackets/>

²¹ Historical Debt Outstanding // URL: https://www.treasurydirect.gov/govt/reports/pd/hist-bebt/histdebt_histo4.htm

Как и в Британии, реформа Р. Рейгана привела к повышению уровня неравенства, а положительный её эффект в виде роста доходов населения и снижения уровня безработицы был в основном достигнут за счёт военных программ.

Согласно утверждению К. Шмитта, «государство есть определённый статус народа, причём статус политического единства, а государственная форма есть особый вид этого единства» [22, с. 40].

Народ может реализовывать политическое единство в силу осознанной необходимости (поддерживаемой гражданами властной идеи, разделяемой большинством стратегии общественного развития, преодоления угроз и рисков суверенному существованию, т. е. постигаемой через то или иное обстоятельство определённого уровня гомогенности – тождества); либо вторым путём – через репрезентацию (как правило, рукотворную технологию, представляющую с согласия народа его единство).

Репрезентация единства народа является основополагающей функцией государства. Избираемые в парламент депутаты рассматриваются как представители народа – репрезентанты, хотя в реальности могут не быть и, как правило, не являться таковыми. В плебисцитарной демократии тождество достигается наиболее последовательно.

Несмотря на то что репрезентация единства народа в форме парламентской демократии по мере нарастающей сложности социумов испытывает депривацию, консолидация наций сохраняется. Такая консолидация зиждется на «структурных элементах принципа тождества», всегда

присутствующих в той или иной мере активности как объективная основа общественной организации.

По выражению К. Шмитта, «нет репрезентации без народа... Парламент обладает репрезентативным характером до тех пор, пока люди верят, что его подлинная деятельность происходит в сфере общественности» [22, с. 45].

Таким образом, государство существует на основе двух диалектически противоречивых принципах – тождествах: осознанного политического единства и репрезентации, отображаемой через правительство и эффективность управления. Доминирование любого из этих принципов в ущерб другому приводит к социальной деструкции – анархии или тоталитаризму, так же как недостижима полная однородность социумов, позволяющая реализовывать абсолютное единство народа. «Посредством слова “тождество”, – писал К. Шмитт, – выражается экзистенциональное политическое единство народа в отличие от каких-либо нормативных схематических или фиктивных равенств».

Первый серьёзный «натиск» на государство, как высшую инстанцию единства народа, был принят европейскими мыслителями, которые строили свою логику на основании рефлексии происходящих социальных изменений, связанных с увеличением «плотности» связей и объединений. Конкуренцию лояльности государству стали составлять религиозные, хозяйственные, культурные, профсоюзные и другие объединения и со-

²² Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: ВШЭ, 2010.

юзы [23]. Долг верности государству представлялся одним, но не главным видом лояльности.

Переживаемые демассивизация и новое качество сложности социумов, следуя уже заявленной логике, должны окончательно разрушить потенциал единства народа, а следовательно, и государство. Но такой посыл мог бы стать социальной реальностью только в случае полной универсализации планетарного пространства и преодоления всяких идентичностей, составляющих «становой хребет» различающихся друг от друга народов. Однако паттерн универсализации объективировался на уровне, не затрагивающем этос народов, благ массового потребления, в том числе нематериальных. Напротив, уникальные фундаментальные «скрепы» этнокультурных образований не только не утратили актуальность, но, напротив, находятся на восходящем тренде, обусловленном противодействием агрессивной вестернизации.

Таким образом, объективное основание «тождества» народов обусловливает возрастающую и трансформирующуюся роль института, агрегирующего национальное единство – государства. *Во-первых*, в силу усложнения его репрезентационной роли через артикуляцию стратегии общественного развития «много составного» социума. *Во-вторых*, в кардинальной смене организации управленческой функции и обусловленного этим позиционирования относительно общества.

По словам К. Шмитта, единство народа, или тождество, о котором идёт речь, «основано на представлении о том, что всё, что относится внутри государства к деятельности государственной власти и правительства, остаётся внутри субстанциональной однородности» [22, с. 88]. К. Шмитт таким образом определял место государственного управления, практически представляя его «внутри субстанциональной однородности».

Рефлексия активно надвигающейся трансформации планетарной цивилизации и роли государства далеки от однозначности.

Направление социальной эволюции, указанное либертарианцами, должно результироваться в преодолении «войны каждого против всех» и за одно государство за счёт организации «эхо-камер» локальных сетевых сообществ.

По выражению Дж.П. Барлоу и М. Цукерберга, человечество, освободившееся от опеки государств, сольётся в одно целое, в котором «неприкосновенность частной жизни более не является социальной нормой» [24].

В условиях меняющейся архитектуры планетарной цивилизации на смену государству идут не «эхо-камеры», а обновлённые государства нового типа, основанные не на иерархии и власти, а на сетевой организации и осмысленном поведении управляемых. Центрами управления «сетевыми структурами» становятся государства, достигающие управ-

²³ Вебер А. Кризис европейского мышления о государстве. СПб.: Университетская книга, 1999.

²⁴ Декларации независимости киберпространства исполнилось 20 лет // URL: <https://habr.com/ru/articles/390175/>

ленческого эффекта не за счёт принуждения, а на основе убеждения.

«Такие системы убеждений, – пишет П. Коллиер, – могут сознательно строиться лидерами, находящимися в узловых центрах своих сетевых сообществ: семей, частных компаний и целых стран. В зависимости от конкретного содержания нарративов они могут порождать удивительно разные формы группового поведения, каждая из которых в конечном счёте поддерживается нашими общими ценностями и устремлениями» [14, с. 81].

Создание государством механизмов взаимных обязательств граждан приобретает практическую актуальность в связи с усилением тенденции демассивизации социумов. Нарастающая сложность социумов в контексте эволюции государства уже стала предметом научного осмысления [25]. Однако результат академической рефлексии пока не создаёт ясной картины. Сложная структура социальных размежеваний, безусловно, оказывает влияние на государственное строительство, которое «проявляется прежде всего в функционировании политических институтов, эффективность которых во многом зависит от способности наиболее влиятельных социальных групп и политических партий достигать консенсуса и образовывать работоспособные коалиции» [26].

Качественно новая сложность социумов, определяющаяся перехо-

дом подавляющей доли консолидирующих коммуникаций в сетевое пространство, вносит существенную трансформацию в механизмы управления размежеваний. В новых условиях значительно большую эффективность обнаруживают не традиционные институты (политические партии, союзы, НПО и т. д.), а «инструменты управления сетевыми процессами». Сетевая экспансия безусловно связана с конкурентным давлением со стороны возникающих в виртуальном пространстве макросообществ. При этом «основной ущерб эти процессы наносят государству, носителю атрибутов национальности и территориальности» [25, с. 10].

В отличие от К. Шмитта, современный исследователь Б. Джессон отказывает государству в статусе «бескорыстного слуги общих интересов» [27, с. 57].

В такой артикуляции социальной реальности традиционное государство обречено на поражение в конкурентной борьбе или адаптацию по трём направлениям:

- денационализация государственности;
- разгосударствление (*destatization*) политической системы, политического процесса и политики (в значении *polity*, *politics* и *policy*);
- интернационализация режимов политики [27, с. 371–379].

Им противодействуют три группы контртенденций, которые как

²⁵ Лапкин В.В. Размежевания в территориальных сообществах, консолидация национальных государств и новые вызовы экстратерриториальности // Южно-Российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 2.

²⁶ Пантин В.И., Лапкин В.В. Государственное строительство в Республике Беларусь: роль социальных размежеваний и политических разделений // Южно-Российский журнал социальных наук. 2022. № 2. С. 6.

²⁷ Джессон Б. Государство. Прошлое, настоящее и будущее. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2019.

раз и воплощают потенциальные возможности адаптации государства к разъедающим его процессам [27, с. 280–282]. Эти процессы разгосударствления провоцируются освобождением рыночного общества «от ограничений национальных вместилищ власти» [27, с. 369] и распространением на этой основе надгосударственных и экстерриториальных форматов социального общения и глобализации, всё более решительного и бескомпромиссного отрыва капитализма от «национально-государственной почвы»^{*}.

Логика рассуждения Б. Джессона не оригинальна и укладывается в формат неолиберального мейнстрима, обслуживающего глобальные интересы финансового капитала [28, с. 532–539].

Обретение каждым индивидом субъектности в социальном процессе самодостаточности и самоценности в мироустройстве постмодерна обуславливает необходимость таких механизмов консолидации общества, генератором которых может быть только государство.

«Государство не может быть более моральным, чем население соответствующей страны, – пишет П. Коллиер, – но оно может укреплять систему взаимных обязательств и постепенно побуждать нас брать на себя новые» [14, с. 89].

Метафора, позволяющая представить государство «внутри» общественного организма, имеет две практические эманации, заключающиеся:

– *во-первых*, в укреплении его интерактивной связи с обществом. Дееспособность государства возрастает по мере расширения общественной поддержки, и, как бы это ни казалось парадоксальным, гражданская активность растёт по мере увеличения дееспособности государства [13, с. 79];

– *во-вторых*, в выстраивании механизмов, препятствующих реализации амбиций элиты, всегда стремящейся установить «экстрактивные» институты, предоставляющие ей исключительные социальные возможности.

«Левиафан, – пишут Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, – и в самом деле может развивать гораздо большую дееспособность и становится гораздо сильнее, если общество проявляет желание сотрудничать с ним... Если государство и элиты становятся слишком могущественными, то возникает Деспотический Левиафан» [7, с. 69].

Таким образом, государство, максимально интегрированное с обществом, в сетевом пространстве обретает мощный эффективный потенциал собственной дееспособности.

Что касается экстрактивных институтов, то предложенный Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном проект их замены инклюзивными, дающими широкий доступ к социальным благам большинству граждан через общественный договор, выглядит утопично. Добровольное устранение представителей элиты от контроля за основными потоками ренты маловероятно, если не сказать не-

²⁸ Танци В. Правительство и рынки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

^{*} Приведено в изложении В.В. Лапкина (Размежевания в территориальных сообществах, консолидация национальных государств и новые вызовы экстратерриториальности. С. 14).

возможно*. В то же время процесс дематериализации экономики в рамках мегатренда формирования регенеративной экономики, неизбежно ведущий к депривации прибыли и самого института частной собственности, позволяет предположить постепенное устранение основного социального противоречия капитализма – расширяющегося неравенства.

Политическое единство, статус которого реализует государство, агрегируется в феномене гражданственности, участия активной части населения в делах государства. Невозможно представить себе устойчивое развитие государства вне активной роли гражданского общества, «оберегающего» государство от деспотии. Гражданское общество, не ослабевающая роль которого очевидно прослеживается в современную переходную эпоху, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон рассматривают как основного «лоцмана» узкого коридора между властью и общественностью, в том числе властью элит.

Они пишут, что «важна роль второго столпа Обузданного Левиафана – общественной мобилизации... Под общественной мобилизацией мы подразумеваем привлечение широких слоёв общества (в особенности не относящихся к элите) к участию в политике. Это участие может проявляться в неинституционализованных формах (восстания, протесты, петиции и в целом давление на элиты посредством общественных ассоциаций или политических объединений). Институционализованные и неинституционализованные инструменты

дополняют и поддерживают друг друга». И резюмируют: «Сила общества зависит от способности людей успешно решать проблему коллективного взаимодействия, чтобы получить возможность участвовать в политике, противостоять нежелательным переменам и настаивать на своём в процессе принятия важных общественных и политических решений» [7, с. 82–83].

Объединение государства и общества в едином сетевом пространстве позволяет воспроизводить практики прямой демократии. Набор уже применяемых инструментов в таком формате достаточно разнообразен: начиная от публикации законов с открытой процедурой его обсуждения и внесения изменений до плебисцитов с использованием информационно-коммуникационных технологий.

«Технологии поддержания сетевых взаимодействий и сотрудничества, – пишет Дж. Малган, – быстро приобретают всеобщий характер. Одновременно упрощаются способы их использования, что облегчает доступ самых широких кругов общества к участию в разработке и реализации стратегий. Облегчается доступ к получению, сопоставлению и использованию официальных данных, что открывает широкие возможности тысячам умов обмениваться открытиями и идеями по разрешению тех или иных проблем» [13, с. 18].

Освоение государством сетевого пространства повышает его потенциал респонсивности**. Благодаря «корейской дистанции» государства и общества в сетях продуцируются два направления коммуникаций от

* В данном случае под рентой мы понимаем сверхдоходы, извлекаемые за счет особого социального статуса представителями олигархата (Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. С. 92–97).

** Респонсивность – способность власти объективно представлять нужды населения и их учёт в государственной практике.

власти к обществу и обратно, дающие возможность обмена объективной информацией, в том числе в

формировании «открытой стратегии», определяющей будущее социума [13, с. 208–210].

Наиболее последовательно образ государства будущего описывает концепция К. Райнхарда «активизирующего государства», детально проанализированная О.В. Гаман-Голутвиной. Концепция «активизирующего государства» предполагает четыре функции государства:

- «государство есть гарант (т. е. институт, обеспечивающий производство и предоставление определённых услуг);

- государство есть институт, создающий необходимые рамки для процессов общественной активности и побуждающий граждан к самостоятельному решению проблем;

- государство есть институт надзора (осуществляемого на основе установленных правил) общественной и, прежде всего, экономической деятельности;

- государство есть производитель работ и услуг для общества, если это диктуют, например, вопросы безопасности и если государство может это сделать с меньшими затратами, чем другие производители» [29].

Библиография • References

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. – 692 с.

[Adzhemoglu D., Robinson Dzh. Pochemu odni strany bogatyje, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, procvetaniya i nishchety. M.: AST, 2015. – 692 s.]

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021. – 703 с.

[Adzhemoglu D., Robinson Dzh. Uzkij koridor. M.: AST, 2021. – 703 s.]

Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1998. – 292 с.

[Al'ber M. Kapitalizm protiv kapitalizma. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1998. – 292 s.]

Вебер А. Кризис европейского мышления о государстве. СПб.: Университетская книга, 1999. – 564 с.

[Veber A. Krizis evropejskogo myshleniya o gosudarstve. SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. – 564 s.]

Гаман-Голутвина О.В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 187–194.

[Gaman-Golutvina O.V. Mirovoj opyt reformirovaniya sistem gosudarstvennogo upravleniya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. № 4. S. 187–194]

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства, церковного и гражданского. Гл. XIII. О естественном состоянии человеческого рода в его отношении к счастью и бедствиям людей // URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf

²⁹ Гаман-Голутвина О.В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 189.

- [Gobbs T. Levafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva, cerkovnogo i grazhdanskogo. Gl. XIII. O estestvennom sostoyanii chelovecheskogo roda v ego otnoshenii k schast'yu i bedstviyam lyudej // URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Levafan.pdf]
- Давыдов О.Б. Философский коммунитаризм как актуальная парадигма социального бытия // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал Modern Research of Social Problems). 2015. № 10. С. 85–91.
- [Davydov O.B. Filosofskij kommunitarizm kak aktual'naya paradigma social'nogo bytiya // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal Modern Research of Social Problems). 2015. № 10. S. 85–91]
- Декларации независимости киберпространства исполнилось 20 лет // URL: <https://habr.com/ru/articles/390175/>
- [Deklaraciyi nezavisimosti kiberprostranstva ispolnilos' 20 let // URL: <https://habr.com/ru/articles/390175/>]
- Джессон Б. Государство. Прошлое, настоящее и будущее. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2019. – 504 с.
- [Dzhesson B. Gosudarstvo. Proshloe, nastoyashchee i budushchee. M.: ID «Delo» RANHiGS, 2019. – 504 s.]
- Коллиер П. Будущее капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. – 376 с.
- [Kollier P. Budushchee kapitalizma. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2021. – 376 s.]
- Лапкин В.В. Размежевания в территориальных сообществах, консолидация национальных государств и новые вызовы экстратерриториальности // Южно-Российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 2. С. 4–20.
- [Lapkin V.V. Razmezhvaniya v territorial'nyh soobshchestvah, konsolidaciya nacional'nyh gosudarstv i novye vyzovy ekstraterritorial'nosti // YUzhno-Rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2021. T. 22. № 2. S. 4–20]
- Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 468 с.
- [Malgan Dzh. Iskustvo gosudarstvennoj strategii: Mobilizaciya vlasti i znaniya vo imya vseobshchego blaga. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2011. – 468 s.]
- Матвеев С.Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: ВШЭ, 2019. – 232 с.
- [Matveev S.R. Svoboda i poryadok: liberal'nyj konservatizm Fransua Gizo. M.: VSHE, 2019. – 232 s.]
- Наумкин В.В. Модель не-запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. 2020. № 4. С. 78–93.
- [Naumkin V.V. Model' ne-zapada: sushchestvuet li gosudarstvo-civilizaciya? // Polis. 2020. № 4. S. 78–93]
- Пантин В.И., Лапкин В.В. Государственное строительство в Республике Беларусь: роль социальных размежеваний и политических разделений // Южно-Российский журнал социальных наук. 2022. № 2. С. 6–17.
- [Pantin V.I., Lapkin V.V. Gosudarstvennoe stroitel'stvo v Respublike Belarus': rol' social'nyh razmezhvaniy i politicheskikh razdelenij // YUzhno-Rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2022. № 2. S. 6–17]
- Рэнд А. Апология капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 355 с.
- [Rend A. Apologiya kapitalizma. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. – 355 s.]
- Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 книгах. М.: Альпина Паблишер, 2015. – 1394 с.
- [Rend A. Atlant raspravil plechi. V 3 knigah. M.: Al'pina Pablisher, 2015. – 1394 s.]
- Танци В. Правительство и рынки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 578 с.
- [Tanci V. Pravitel'stvo i rynki. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2018. – 578 s.]

- Хайек Ф.А. фон. Дорога в рабство. М.: АСТ, 2021. – 317 с.
[Hajek F.A. fon. Doroga v rabstvo. M.: AST, 2021. – 317 s.]
- Царев В., Котовски М. Наследие Маргарет Тэтчер: неравенство, бедность, социальная напряжённость // URL: <https://marx.kz/tribuna/251-nasledie-margaret-tetcher-neravenstvo-bednost-socialnaja-naprjazhennost-chast-1.html>
- [Carev V., Kotovski M. Nasledie Margaret Tetcher: neravenstvo, bednost', social'naya napryazhyonnost' // URL: <https://marx.kz/tribuna/251-nasledie-margaret-tetcher-neravenstvo-bednost-socialnaja-naprjazhennost-chast-1.html>]
- Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: ВШЭ, 2010. – 272 с.
[SHmitt K. Gosudarstvo i politicheskaya forma. M.: VSHE, 2010. – 272 s.]
- Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – 333 с.
[SHmitt K. Duhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma // SHmitt K. Politicheskaya teologiya. M.: Kanon-press-C; Kuchkovo pole, 2000. – 333 s.]
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3 томах. М.: Политиздат, 1986. Т. 3. – 639 с.
[Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya v 3 tomah. M.: Politizdat, 1986. T. 3. – 639 s.]
- Best S., Kellner D. The postmodern turn. N.Y.: Guilford Press, 1997. – 306 p.
- Calkivik A. Poststructuralism and Postmodernism in International Relations // International Relations Theory Online Publication. Nov 2017. P. 1–29 // URL: <https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/7235362/course/section/6380661/%C3%87alk%C4%B1vik%2C%20Poststructuralism%20and%20Postmodernism%20in%20International%20Relations.pdf>
- Cooper R. The post-modern state and the world order. L.: Demos, 1996. – 50 p.
- Cvetkovich A., Kellner D. Articulating and The Local: Globalization and Cultural Studies. 1st ed. N.Y.: Routledge, 1997. – 272 p.
- Featherstone M. Global Culture: An Introduction // Global Culture: Nationalism, Globalism and Modernity. L.: Sage, 1990. Vol. 7. Iss. 2–3. P. 1–14.
- Featherstone M., Lash s. Globalization, modernity, and the spatialization of social theory: An untroduction // Featherstone M., Lash s., Robertson R. Global modernities. L.: UK, 1995. P. 1–24.
- Gibbs N. The All-American President Ronald Wilson Reagan. June 14. 2004.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990 // URL: <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2016/10/The-Consequences-of-Modernity-by-Anthony-Giddens.pdf>
- Historical Debt Outstanding // URL: https://www.treasurydirect.gov/govt/reports/pd/histdebt/histdebt_histo4.htm
- Historical Income Tax Rates and Brackets, 1862–2021 // Tax Foundation // URL: <https://taxfoundation.org/historical-income-tax-rates-brackets/>
- Kellner D. Globalization and the Postmodern Turn // URL: <http://www.gseis.ucla.edu/faculty/Kellner/>
- Overtveldt J. van. The Chicago School. Chicago: Agate, 2007. – 432 p.
- Wilson R., Dissayanake W. Global/Local: Cultural Production and the Transnational Imaginary, 1996. – 408 p. // URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv11cw21n>

Статья поступила в редакцию 5 августа 2023 г.